

IN MEMORIAM

АКАДЕМИК РИФТИН (1932–2012)
НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ В НАШИХ СЕРДЦАХ¹

Борис Львович Рифтин (1932–2012) унаследовал лучшие традиции российского китаеведения и всю свою жизнь увлеченно исследовал китайскую народную литературу, китайские классические романы, китайские народные лубочные картины, историю литературных связей между Китаем и Россией, разыскивал редкие издания древнекитайской литературы, добившись выдающихся успехов во всех этих областях.

Исследование Б. Л. Рифтиным китайской народной литературы отличается широким кругозором. Результаты его трудов, как о материковых народных сказках, так и о местных легендах Тайваня, получили высокую оценку в научном мире Китая.

Исследования Б. Л. Рифтина в области китайской классической литературы демонстрируют новаторский подход и оригинальность. Выявив истоки народной ли-

тературы в китайских многоглавных классических романах, он задал новое направление исследованиям по китайской литературе.

Получив мировую известность как специалист по китайским лубочным картинам, Б. Л. Рифтин не жалел усилий на сбор соответствующих материалов в самых разных странах.

Единственный иностранный член редколлегии Собрания китайских новогодних картин, Б. Л. Рифтин стал главным редактором тома «Полное собрание китайских народных новогодних картинок, представленных в российских музейных коллекциях», внося тем самым выдающийся вклад в спасение и сохранение наследия китайской народной культуры.

Б. Л. Рифтин первым занялся изысканиями в области истории литературных связей между Китаем и Россией, познакомив нас с детальным списком ранних переводов и историей распространения китайской литературы в России.

Первооткрыватель ленинградского списка классического романа «Сон в красном тереме», Б. Л. Рифтин внес выдающийся вклад в исследование данного романа. Кроме того, в России и других странах им было найдено много редких памятников древней литературы.

Янь Годун — д-р ист. наук, профессор, Институт иностранных языков Нанькайского университета; профессор, Институт истории Нанькайского университета.

¹ Перевод с кит. яз. О. П. Родионовой.

© Янь Годун, 2013

Б. Л. Рифтин потратил много времени и сил на упорядочение и издание научного наследия В. М. Алексеева, он неустанно трудился ради продолжения традиций российского китаеведения.

Борис Львович Рифтин был приглашенным профессором во многих учебных заведениях континентального Китая, а также таких регионов, как Тайвань и Гонконг, он много раз приезжал в Китай читать лекции, тесно общался с китайскими учеными и деятелями культуры.

Б. Л. Рифтин опубликовал более трехсот научных работ на русском, английском, японском и других языках, более десяти его трудов были изданы на китайском языке в континентальном Китае и на Тайване. Среди китаеведов всего мира это уникальный случай.

За свои научные достижения Б. Л. Рифтин многократно награждался правительственными органами Китая. В 2003 г. министерство образования Китая удостоило его «Премии Дружбы за достижения в области китайского языка и культуры», а в ноябре 2010 г. во время государственного визита в Россию премьера Госсовета Вэнь Цзябао Рифтину вручили «Премия за вклад в дело китайского языка и культуры».

Лично для меня академик Рифтин — это друг, наставник, а самое главное — пример для подражания!

Знакомство с Рифтиным

В начале 1999 г., возвратившись из-за границы после работы в посольстве, я нацелился на получение докторской степени под руководством известного историка Чжан Гогана. Направление своего научного исследования я определил как российское китаеведение. После прочтения некоторых материалов на эту тему и размышлений у меня сложилось базовое представление о пути развития китаеведения в России.

Поскольку в советское время в большом количестве издавались труды академика В. М. Алексеева и их было сравнительно легко достать, то читал я в основном именно его книги, и они произвели на меня достаточно глубокое впечатление. Среди них была книга «В старом Китае: дневники путешествия 1907 г.». Помнится, я ее читал в конце 1980-х — начале 1990-х годов прошлого столетия, для того чтобы составить учебное пособие «Культура Китая», вышедшее на русском языке. Однако тогда я еще не знал, что автором этой книги является китаевед с мировым именем, я также не предполагал, что и сама книга широко известна в мировом китаеведении. Когда же я с головой ушел в изучение российского китаеведения, то еще раз, но уже с научных позиций, осознал ценность этого сочинения.

В начале 2000 г., когда председатель Общества по изучению истории отношений Китая с другими странами профессор Гэн Шэн, курировавший предложенный юньнаньским издательством проект по выпуску книжной серии «Великие экспедиции», попросил меня перевести путевые записки какого-либо россиянина, то я, ничуть не колеблясь, выбрал алексеевские дневники путешествия по Китаю. Однако прежде чем начать перевод книги, требовалось решить вопрос с авторскими правами, а у меня на тот период не имелось никаких связей с китаеведами из России. Тогда я подумал, что, возможно, мне удастся наладить связь с потомками Алексеева с помощью Интернета. В то время в сети имелось совсем немного материалов о российских синологгах, однако в Санкт-Петербурге молодой китаевед Игорь Алимов (китайское имя 藹力謨 Ай Лимо) создал сайт «Петербургское востоковедение», специализировавшийся на размещении научных новостей в области востоковедных исследований. Я тотчас написал письмо г-ну Алимову с просьбой связать меня с дочерью В. М. Алексеева, М. В. Баньковской. Вскоре после этого я получил ответ. В конверте оказалось сразу два письма: одно — от Баньковской (датировано 28 мая 2000 г.), а другое — от Рифтина, написанное им собственноручно (датировано 20 июня 2000 г.). Будучи учеником В. М. Алексеева и издателем его известных трудов, господин Рифтин заинтересовался моим переводом алексеевских дневников. Вместе с тем его беспокоило, сможет ли такой молодой человек, как я, надлежащим образом справиться с этой работой. Его тревожило, что переводчиком будет просто русист, поскольку недостаток знаний в области китайской культуры не мог гарантировать качественного перевода. 5 июля он снова написал мне длинное, на пяти

страницах, письмо, в котором еще раз дал подробные рекомендации относительно того, как разрешить переводческие трудности. При последующей работе над переводом я время от времени пересылал по факсу сложные места Б. Л. Рифтину. Для меня оказалось сюрпризом, что он всегда с большой любезностью отвечал на каждый из моих вопросов. И даже если он находился при этом в Гонконге, где читал лекции, или на Тайване, то он все равно выкраивал время для меня. Именно благодаря помощи Бориса Львовича работа над переводом продвигалась очень успешно. Кроме того, он охотно откликнулся на мою просьбу написать вместе с М. В. Баньковской предисловие к китайскому изданию. И уже в 2001 г. в назначенный срок в Китае вышел перевод книги «В старом Китае: Дневники путешествия 1907 г.». Этот перевод стал моим «крещением» после проникновения в область русского китаеведения, а также он впервые познакомил китайских читателей с известным произведением В. М. Алексева.

Рифтин и Нанькайский университет

4 апреля 2001 г. я получил от академика Рифтина факс, в котором сообщалось, что в ближайшем будущем он собирается посетить Китай. Несмотря на то, что наша переписка с Б. Л. Рифтиным длилась уже почти целый год, мы с ним никогда раньше не встречались. Поэтому я тотчас направил ему приглашение в Нанькайский университет. 21 апреля на Тяньцзиньском вокзале я наконец-то встретился с академиком Рифтиным, которого уже давно знал заочно. И хотя на тот момент ему было уже практически семьдесят, глаза его горели, выглядел он очень бодро, всем своим видом являя образец истинного ученого. Со слов «Тяньцзиньской газеты», «он отличался яркой внешностью иностранца с густыми бровями и бородой. Хотя ему уже исполнилось 69 лет, у него сохранились живой ум и беглая речь, выглядел он очень молодо». В тот визит, приехав в Нанькайский университет в качестве приглашенного профессора, Б. Л. Рифтин прочитал для студентов и преподавателей университета две научные лекции. Одна из них называлась «Современное востоковедение в России», а другая — «Сон в красном тереме» в России». Свою лекцию Б. Л. Рифтин читал на беглом китайском языке с акцентом, свойственным для провинции Ганьсу. Его первую фразу «Можно ничего на свете не бояться, кроме иностранца, что жаждет на китайском изъясняться» студенты встретили громкими аплодисментами. Во время этого визита академика Рифтина я взял у него интервью, текст которого был опубликован в газете «Чжунхуа душубао» 20 июня 2001 г. С той поры, каждый раз прибывая в Китай, Б. Л. Рифтин непременно посещал Тяньцзинь. Заезжая в Тяньцзинь, он всегда посещал Нанькайский университет, а в университете он обязательно выступал с научным докладом перед аудиторией всего учебного заведения или перед слушателями Института иностранных языков, а иногда просто беседовал со студентами-русистами. Мои студенты очень хорошо знали его, аспирантам разных лет посчастливилось попасть под его научное руководство. 3 ноября 2004 г. в 111-й аудитории 7-го корпуса, где находится Институт иностранных языков, профессор Рифтин прочел научный доклад на тему «К пятидесятилетию моего изучения китайской литературы», в котором рассказал об основных вехах своей исследовательской деятельности в этой области за пятьдесят лет. 20 ноября 2009 г. Б. Л. Рифтин в качестве гостя приехал на «Форум корифеев Нанькайского университета», приуроченный к девяностолетию учебного заведения, где выступил перед студентами и преподавателями с блестящим докладом на тему «Исследование редких китайских сочинений древности и новогодних гравюр, представленных в европейских коллекциях». Можно констатировать, что Борис Львович внес важный вклад в дело продвижения изучения российского китаеведения, а также изучения истории китайско-российских культурных связей в Нанькайском университете.

Каждый раз, когда Б. Л. Рифтин приезжал в Китай, на его груди красовался значок Нанькайского университета. Однажды я спросил Бориса Львовича, почему он надевает этот значок. В ответ он назвал мне две причины. Первая заключалась в том, что ему нравился Нанькайский университет, ведь в нем были не только ученые, изучающие российское китаеведение, но и подрастали аспиранты, занимавшиеся данным направлением, поэтому он ощущал гордость, что его

причислили к профессорам Нанькайского университета. Вторая причина заключалась в том, что когда он приходил в китайское посольство для оформления визы, то этот значок обеспечивал ему беспрепятственное прохождение всех формальностей. Когда этот значок видели работники пограничных и таможенных служб международного столичного аэропорта, то на их лицах тотчас появлялись дружелюбная улыбка и утихшее выражение. Он был очень доволен своей находчивостью и не переставал радоваться этому изобретению. В ноябре 2011 г., когда мне пришлось увидеть его в последний раз, на груди его по-прежнему красовался значок Нанькайского университета. На фотографии, которая сопровождала опубликованное РИА «Новости» сообщение о кончине Б. Л. Рифтина, я снова увидел этот красный значок.

Тесное сотрудничество

Двенадцать лет назад, несмотря на разницу в 33 года, нас связала настоящая дружба. Б. Л. Рифтин стал для меня иностранным наставником на пути изучения российского Китаеведения. Он всегда своевременно информировал меня о новейших тенденциях в мире российской синологии, по первой просьбе высылал необходимые материалы. Едва в России издавалась какая-то новая книга, он тотчас садился на метро или автобус и добирался до книжного магазина, чтобы приобрести ее для меня. Если книги не оказывалось в магазине, он связывался с издательством и приобретал ее там, после чего спешил на почту, чтобы сразу же отослать мне. Такая ситуация повторялась не раз и не два, все эти годы он не отступал от этого правила. Большинство русских книг, стоящих на моей книжной полке, подарены академиком Рифтиным. Поскольку многие необходимые мне материалы представляют собой еще дореволюционные издания, то все они успели превратиться в редкие экземпляры, и простым читателям их нелегко получить в библиотеке даже просто для чтения, уже не говоря ни о каком ксерокопировании. Б. Л. Рифтин зачастую пользовался своим статусом академика и выносил эти книги из библиотеки, после чего находил за ее пределами ксерокс и делал копии, которые пересылал мне, при этом он всегда отказывался от любых денег за расходы. Замечу, что такие ситуации с копированием текстов не всегда инициировались мной, чаще случалось так, что ему вдруг попадался какой-нибудь экземпляр, который он сам считал полезным для меня. В таком случае, не тратя время на обсуждения, он делал копии и отсылал их мне, и через некоторое время я получал международную посылку. Большинство международных посылок, которые я тогда получал, было от Б. Л. Рифтина. Причем московское международное отделение связи находится очень далеко от его дома! После того как Б. Л. Рифтину исполнилось 75 лет, и тем более учитывая, что он перенес две операции, я дал себе обещание более не тревожить его своими просьбами. Поэтому, когда в очередном письме он спрашивал меня, какие материалы мне нужны, я вежливо отказывался от его помощи. Мне действительно не хотелось обременять его, к тому же меня беспокоила его дорога на почту. Мое сердце не могло вынести того, что пожилой человек так часто хлопочет ради меня!

Помимо этого, если мне удавалось достичь каких-то успехов на научном поприще, он никогда не скупился на горячие похвалы. Работая над переводом книги «В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г.», я почти ничего знал о китайских новогодних картинах. Именно Б. Л. Рифтин познакомил меня со многими терминами в этой области, заверив, что после издания перевода меня признают таким же большим знатоком, каким является в этой области Фэн Цицай. А после выхода в свет моей книги «История русского Китаеведения» Б. Л. Рифтин был рад, наверное, больше чем я. Он не только рассказал о моей книге на научной конференции «Общество и государство в Китае», проводимой Институтом востоковедения РАН, но еще и лично рекомендовал ее синологам из Российской академии наук. В 2012 г. на страницах русско-китайского журнала «Институт Конфуция», редактируемого в Санкт-Петербургском университете, я опубликовал статью, в которой написал про одного практически неизвестного в Китае преподавателя русского языка времен Китайской Республики. Эта статья его необычайно порадовала, и в своем письме, датированном 19 июня, он написал: «Сегодня получил журнал “Институт Конфуция” и с большим увлечением прочитал твою статью про русско-китайский словарь,

она написана превосходно! Поздравляю тебя с такой незаурядной работой!». Даже болея, Борис Львович проявлял ко мне внимание, я был бесконечно тронут этим! Можно сказать, что на моей научной стезе каждый шаг вперед осуществлялся при всяческой поддержке и искреннем одобрении Б. Л. Рифтина.

Возможно, виной тому системное устройство, но вышло так, что, даже будучи уважаемым всеми академиком, в России Б. Л. Рифтин не обзавелся учениками или ассистентами. Вся работу, вне зависимости от ее объема, он выполнял сам, в одиночку. Я очень беспокоился о том, что такой пожилой человек взвалил на себя настолько огромный груз работы, обращал его внимание на необходимость правильно сочетать труд и отдых, а также заботиться о здоровье. Однако он все делал по-своему, придерживаясь привычек, которые у него сложились за несколько десятилетий, когда, работая, он отказывался от сна и забывал о еде. И в России, и в Китае всех, кто знал Б. Л. Рифтина, непременно впечатляла его самозабвенная одержимость наукой. В своей исследовательской работе он не упускал из вида ни одну мелочь, прорабатывая все без исключения материалы. Находясь в Москве, он отдавал все силы, чтобы в полном объеме отыскать интересующие его китайские книги, но не все можно было достать. Поэтому Б. Л. Рифтин часто просил меня купить книги, сделать копии или проверить наличие необходимых материалов в библиотеке или китайской базе данных. Все эти годы едва Б. Л. Рифтин обращался ко мне в письме с какой-либо просьбой, я тотчас откладывал в сторону свою личную работу, первым делом стараясь выполнить его поручение. Ведь у всех нас сложилось мнение, что академики обладают широчайшей эрудицией, вдобавок их статус придает им особое величие, поэтому они редко обращаются к кому-либо за советом. Однако Б. Л. Рифтина никогда не стесняла его мировая известность, он всегда сохранял научную скромность и никогда не гнушался советами других. Как сказал Фэн Цицай, «он глубоко понимал, что корневым элементом слова “ученость”, является учеба». Поэтому за десять с лишним лет Б. Л. Рифтин задал мне столько вопросов, что я потерял им счет. Не на все из них я мог дать исчерпывающий ответ, но, к счастью, благодаря тому, что сейчас существует Интернет, стали доступны всевозможные базы данных, в которых довольно оперативно можно найти необходимую информацию. Б. Л. Рифтин оставался очень доволен моей работой в качестве помощника и неоднократно называл меня «талантом» и «волшебником» по сбору материалов. Но, по правде говоря, ничего особенного в моих умениях нет, все это в современном мире просто дело техники.

В последние годы Б. Л. Рифтин одну за другой выпустил в Китае несколько книг, среди них «Каталог трудов на иностранных языках по проблеме изучения национальных мифов Китая (1839–1900)», «Сборник дунганских народных сказок и легенд», «Полное собрание китайских народных новогодних картинок, представленных в российских музейных коллекциях» и др. Когда обнаружилось, что у сданного в печать на Тайване «Каталога трудов на иностранных языках по проблеме изучения национальных мифов Китая» вдруг пропала электронная версия, я вместе со своими студентами заново набирал текст на китайском, японском и корейском языках. Когда составлялся «Сборник дунганских народных сказок и легенд», я помог Б. Л. Рифтину связаться с китайским ученым Хай Фэном. Больше всего меня порадовал своевременный выход в свет «Полного собрания китайских народных новогодних картинок, представленных в российских музейных коллекциях», которое составлялось под редакцией Б. Л. Рифтина и при поддержке Фэн Цицайя. Чтобы завершить этот небывалый по грандиозности проект, Б. Л. Рифтин приложил очень много физических и душевных сил. В течение трех с лишним лет я старался оказать всяческую поддержку Борису Львовичу, выполняя некоторую техническую работу, иногда мне случалось помогать ему в поиске каких-то материалов.

Однако незабываемым событием в моей жизни стала работа над переводом труда Б. Л. Рифтина «Китайские новогодние картинки в России», описывающего российскую коллекцию образцов. Этот объемный текст, подготовленный на основе большого количества недавно обнаруженных документов и литературных материалов, воплотил в себе результаты тщательного изучения и обобщения образцов китайских новогодних картинок, представленных в российских коллекциях начиная с XIX в. С момента первых черновиков, высланных мне Б. Л. Рифтиным,

и до получения уже утвержденного варианта на данный текст ушло ровно двадцать пять месяцев. Его общий объем увеличился с первоначальных сорока тысяч знаков почти до девяноста тысяч. Я начал работу по переводу сразу после получения первых черновиков, а по ходу дела вносил в текст исправления и дополнения, высылаемые Б. Л. Рифтиным. Поэтому только спустя два с лишним года у меня появился окончательный вариант перевода. До этого мне уже приходилось издавать несколько своих переводов, но ни одна из книг не отняла у меня такого количества времени. Борис Львович писал текст в Москве, в то время как я занимался его переводом в Тяньцзине. Вносил дополнения он — вносил дополнения я, вносил изменения он — вносил изменения я. За все это время мы обменялись более чем сотней электронных писем. И хотя столь затянувшийся перевод оказался для меня неожиданностью, в процессе работы над ним я узнал много нового о китайских новогодних гравюрах, а также проникся скрупулезным отношением Бориса Львовича к науке. В ноябре 2011 г. Б. Л. Рифтин приехал в Тяньцзинь на Международный форум, посвященный китайским новогодним гравюрам, а также на выставку под названием «Богатые плоды — десятилетние достижения по поиску и сбору китайских новогодних картинок». Господин Фэн Цицай выступил с предложением упорядочить результаты исследований академика Рифтина, с тем чтобы выпустить издание «Собрание материалов Б. Л. Рифтина по проблеме китайских народных новогодних гравюр». Я тут же обсудил с Борисом Львовичем возможный состав сборника. По возвращении Б. Л. Рифтина в Россию я сразу взялся за составление и перевод книги. Тексты материалов, изданных Б. Л. Рифтиным на Тайване, были мною заново перепечатаны на упрощенных иероглифах. Кроме того, я договорился с двумя известными китайскими профессорами Гу Юем и Лю Ядином о переводе русских статей Рифтина. Благодаря усилиям нескольких молодых ученых из НИИ литературы и искусства имени Фэн Цицай при Тяньцзиньском университете, день и ночь трудившихся над книгой, она смогла выйти в свет накануне международной научной конференции «Б. Рифтин и китайская культура», проводившейся в октябре 2012 г. Однако никто не ожидал, что эта книга, которая изначально планировалась как подарок Б. Л. Рифтину к восьмидесятилетию, окажется посмертным изданием его трудов, приуроченным к скорбной дате его кончины.

Борис Львович ушел от нас, и ушел скоропостижно. Я знаю наверняка, как жалко ему было бросать свои исследования по китайской культуре, которую он так любил, как жалко было покидать своих родных и друзей! Я очень верю, что обязательно найдутся люди, которые смогут завершить ту работу, что не успел довести до конца Борис Львович, и что обязательно найдутся те, кто осуществит его несбывшиеся мечты. Ведь для потомков он останется образцом неиссякаемой энергии.

*Янь Годун
(Нанькайский университет, КНР)*